

Императрица Елизавета Петровна (мифы и реальность)

Автор: К. А. Писаренко

Писаренко Константин Анатольевич - историк, писатель.

В Архиве внешней политики Российской империи мне посчастливилось ознакомиться с подлинными записками кабинет-секретаря барона И. А. Черкасова, адресованными вице-канцлеру А. П. Бестужева-Рюмину, за 1743 - 1747 годы. Именно они пробили первую брешь в моем восприятии императрицы Елизаветы Петровны, основанном на мнении целой плеяды авторитетных русских и советских историков XIX-XX вв. - от М. И. Семевского и В. О. Ключевского до Н. И. Павленко и Е. В. Анисимова. Легкомысленная, ленивая и капризная, хотя рачительная и добрая барыня на троне, совершенно неспособная успешно управлять огромной Россией. Такой образ сложился за столетия изучения той далекой эпохи.

Между тем обнаруженные документы опровергали прежде всего тезис о лени и легкомыслии царицы. Она, оказывается, лично прочитывала всю важнейшую корреспонденцию, тут же реагируя на нее в виде словесных распоряжений, и, как правило, не уклонялась от встреч со своим министром, а частенько сама приглашала его на прием. Данные этого источника прекрасно согласовывались со свидетельством другой, давно известной подборки материалов - "Дневника докладов Коллегии иностранных дел", своеобразных стенографических отчетов А. П. Бестужева-Рюмина и М. Л. Воронцова о каждом официальном обсуждении с императрицей накопившихся проблем международного характера. Из них следует, что царица демонстрировала завидную активность при рассмотрении всех главных дел и к тому же умела не только прислушаться к доводам собеседника, но и аргументировано настоять на собственной точке зрения.

В 1872 - 1875 гг. П. И. Бартенев в "Архиве Воронцова" (тома 4, 6 и 7) опубликовал дневники за 1742 - 1744 и 1746 - 1754 годы. Отсутствующие в бумагах Воронцова отчеты за 1745 г. вместе с упомянутыми записками Черкасова изданы в 2007 г. в 16-м выпуске альманаха "Российский архив". Поразительно, насколько мало востребован был этот источник на протяжении истекшего столетия. Историки, как дореволюционные и советские, так и современные, обращаясь к личности Елизаветы Петровны, почему-то предпочитали и предпочитают оценивать деятельность императрицы не по этим и подобным им источникам, свидетельствующим о событиях напрямую, а по мемуарной литературе (записки Екатерины II, князя М. М. Щербатова, Б. и Э. Минихов, Х. -Г Манштейна, Я. П. Шаховского). Прямые же свидетельства, в первую очередь дипломатическая переписка британских, саксонских и французских посланников, обнародованная в нескольких сборниках Русского исторического общества, используются обычно тогда, когда подтверждают общепринятое. То, что противоречит, - просто игнорируется, и в итоге мы имеем не объективную биографию дочери Петровой, а весьма и весьма искаженную.

По той же причине, что и дневники Иностранной коллегии, не пользуется вниманием еще один ключевой документ - каталог приватной библиотеки цесаревны Елизаветы Петровны, составленный В. К. Третьяковым в 1745 году. Обнаруженный в 1982 г. Н. А. Копаневым перечень французских книг цесаревны должен был озадачить многих. В нем почти все издания относились к политической истории европейских стран. Станный интерес для человека с репутацией ветреной и легкомысленной особы, "неподготовленной к тяжелой работе у руля управления" Россией. Дабы связать концы с концами, ученым пришлось прибегнуть к более чем натянутому объяснению: библиотеку собрал кто-то из близких цесаревне персон в качестве парадной. Тот факт, что в так называемой парадной библиотеке безоговорочно лидирует политика и история, комментариёв, естественно, не удостоился. В 2003 г. достоянием общественности стал документ, выявленный Б. Г. Белоголовым в петербургском архиве Академии наук: библиотечный формуляр принцессы Анны Леопольдовны 1734 г., зафиксировавший выдачу гоф-юнкеру М. Л. Воронцову для цесаревны Елизаветы Петровны книги по истории итальянских государств. Судьба этого свидетельства аналогична всем выше указанным. О нем тоже стараются не упоминать.

Как же так? Налицо очевидное, как минимум, равнодушие дочери Петра Великого к политике. Тем не менее, историческая наука упорно избегает развивать эту тему, искать дополнительные данные, по-новому анализировать уже имеющиеся. Похоже, проблема заключается в том, что отображенная в источниках личность третьей русской императрицы не вписывается в привычный образ выдающегося государственного мужа - активного в поступках. Между тем опыт Елизаветы Петровны уникален, ибо она руководствовалась иным принципом - активностью в размышлениях. Это означало привычку при решении той или иной проблемы тщательно обдумать то, чем располагаешь, взвесить все доступные варианты действий, учесть настроения и даже заблуждения всех заинтересованных сторон, после чего, выбрав удобный момент, вмешаться в ситуацию, по возможности ограничив свое участие одним поступком, а лучше словом.

Высокая эффективность такого метода управления показала себя в первый же год царствования Елизаветы Петровны. Почему-то триумф военной кампании 1742 г., ту легкость, с которой армия П. П. Ласси практически без боя за три месяца заняла добрую половину Финляндии, принято считать заслугой исключительно военных, в первую очередь главнокомандующего. Однако годом ранее, при регентше Анне Леопольдовне, ничего подобного не наблюдалось, и, чтобы не разгромить, а только победить шведов у Вильманстранда 23 августа 1741 г., Ласси понадобилось три часа штурмовать позиции противника, потеряв при этом до 2,5 тыс. человек убитыми и ранеными. Отчего же к лету 1742 г. шведская армия вдруг утратила боеспособность? Может показаться странным, но Швеция проиграла вследствие одного произнесенного русской царицей слова, вернее, изданного ею манифеста. 18 марта 1742 г. императрица обратилась к финской нации с призывом не воевать с русскими войсками, гарантируя взамен свободу, неприкосновенность имущества, а при желании и российский протекторат. Так как половина шведской армии состояла из финнов и манифест отвечал их чаяниям, то быстрое превращение еще вчера сплоченных полков генерала К. Э. Левенгаупта в деморализованную массу никого не должно удивлять. Императрица, ознакомившись по разным каналам со всей информацией, касающейся состояния шведской армии, нащупала ее слабое место и нашла способ, как без

кровопролития обезоружить неприятельское войско¹.

Кстати, стремительное и столь же бескровное покорение Восточной Пруссии в январе 1758 г. - также результат обстоятельного анализа самодержицей обстановки, возникшей в регионе после поспешной ретирады С. Ф. Апраксина. Уверенность Елизаветы Петровны в успехе зимнего похода генерала В. В. Фермора опиралась на точное знание о пророссийских настроениях местного населения и почти полной передислокации прусских регулярных войск из-под Кенигсберга в Померанию. Примечательно, что никто, кроме царицы, прежде всего сам Фридрих II Великий, не заметил этих двух факторов, в совокупности суливших русской стороне большую выгоду. В этой связи стоит заметить, что самому прусскому королю повернуть нечто подобное удалось лишь на склоне лет, точно рассчитав момент и условия первого раздела Польши. Судя по всему, из горькою урока 1758 г. он сумел извлечь правильные выводы.

Добиваться цели мирно Елизавета Петровна умела и в краткосрочном и в долгосрочном плане. Примером второго рода во внешней политике является история австро-русского сотрудничества, а во внутренней - эпопея по отмене смертной казни. О союзе с Австрией обыкновенно пишут как о неравноправном для России: альянс превратил империю в младшего партнера венского двора,

стр. 153

слишком активно защищавшего его интересы, подчас в ущерб собственным. В действительности, избранный царицей курс на русско-австрийское сближение, длившееся полтора года, с октября 1744 г. по май 1746 г., гарантировал России де-факто статус главного арбитра Европы уже в 1748 году. Держала паузу, замедляла процесс единственно императрица, ибо министры российские, как раз наоборот, торопились сами и торопили государыню с присоединением страны к одному из двух блоков, соперничавших на континенте. Бестужев-Рюмин спешил прикрепить Россию к австро-английской коалиции, И. -Г. Лесток - к франко-прусской. И прислушайся Елизавета Петровна к первой или второй рекомендации до декабря 1745 г., когда исход войны за австрийское наследство (1740- 1748 гг.) еще выглядел туманно, Российская империя и в самом деле могла стать "солдатом" на службе либо Австрии, либо Франции. Иные перспективы возникли после существенного ослабления воюющих сторон, на исходе 1745 года. Уже в начале года, в январе, и пруссаки и англичане с австрийцами предложили императрице примкнуть каждый к своему лагерю, но та медлила с ответом. Медлила до осени, пока Пруссия не пригрозила вторжением в Саксонию, которой Россия тут же пообещала прислать двенадцатитысячный вспомогательный корпус, после чего Фридрих II не мешкая склонился на почетный мир и с Саксонией, и с союзной ей Австрией.

Так Россия впервые заявила о себе, как о гаранте мира в Центральной и Восточной Европе. Гарантом мира в Западной Европе она стала в 1748 г., принудив аналогичным способом сильную Францию к миру с более слабой Австрией, устоявшей благодаря союзу с Россией, окончательно оформленному в мае 1746 года. Марш 30-тысячного корпуса В. Н. Репнина от Немана до Майна весной-летом 1748 г. произвел огромное впечатление на Европу, закрепив за Россией ключевое

значение в сем регионе на следующие двадцать лет, то есть до 1768 года².

Об отмене смертной казни в России в середине XVIII в. бытует мнение, что страшные экзекуции прекратились в одночасье, по легкому мановению высочайшей руки. Стоило государыне пожелать этого, и, пожалуйста, все тотчас подчинились царской воле. Между тем в действительности Елизавета столкнулась с серьезным сопротивлением Сената. Да и в целом народ, как благородного, так и подлого сословия, упразднение обезглавливания и повешения не приветствовал. Как же императрица умудрилась провести реформу? С помощью все того же своего правила: сто раз подумай; один раз сделай или скажи!

Победила, сыграв на патриотизме и религиозности собственных подданных. Патриотизм позволил ей заручиться сочувствием части общества, когда летом 1743 г. она, смягчив участь русских солдат, приговоренных к смерти за мародерство в Финляндии, впервые объявила августейшее намерение заменить натуральную смертную казнь политической, то есть условной. Сенаторы восприняли инициативу в штыки, но снискавший одобрение у россиян прецедент с помилованием солдат вынудил сановников умерить пыл и согласиться на предложенный Елизаветой компромисс: смертная казнь приводится в исполнение только с санкции монарха. В мае 1744 г. новый закон вступил в действие. Однако императрица изо дня в день уклонялась от рассмотрения подносимых ей на подпись дел, что, естественно, раздражало министров. Назревавший конфликт она погасила в зародыше при "посредничестве"... Бога. Сообщив приближенным о клятве никого не казнить в случае успешного восшествия на престол, якобы данной Ему в легендарную ночь переворота, царица быстро и легко нашла понимание у всех слоев населения. Священный обет перевесил все прочие доводы и резоны, почему Сенат и сам в марте 1746 г. утвердил проект замены смертной казни каторгой с предварительным битьем "колодников" кнутом и клеймением у них на лице литер "В", "О", "Р". После долгих раздумий и колебаний 29 марта 1753 г. самодержица одобрила такое решение³.

Нестандартностью мышления, оригинальностью подхода к решению любых затруднений мало кто может сравниться с Елизаветой Петровной. Россия не обладала климатом, пригодным для производства отечественного вина высокого класса. Не беда. Учредив в 1746 г. русскую факторию в союзной Австрии, Петербургский двор на многие годы обеспечил себя регулярными поставками лучших сортов венгерского вина, как покупного, так и изготовленного самостоятельно на месте.

На высокие должности было принято назначать прежде всего вельможных особ. Елизавета придумала и ввела простой до гениальности порядок, нейтрализовавший эту вредную для государства традицию. Официальные должности занимали по-прежнему персоны высокого ранга. А вот временно исполнять обязанности министра или губернатора мог и незнатный человек. Императрице требовалось лишь под разными предлогами оттягивать окончательное заполнение вакансий, дабы-

временный администратор превратился в фактически постоянного. Достаточно посмотреть на опубликованные списки президентов и главных командиров коллегий и канцелярий, губернаторов елизаветинской эпохи. Ни в каком другом царствовании не обнаружить столько промежутков между правлением официальных глав учреждений. А объясняются они легко: пока пост президента (губернатора) или вице-президента (вице-губернатора) пустовал, дела вершил один из старших членов коллегии в ранге коллежского советника или губернаторского товарища, а то и обычного асессора.

Идея подмены официального командира фактическим до того приглянулась Елизавете, что она прибегала к ней и при замещении шефов трех главных коллегий - Военной, Иностранной, Адмиралтейской. У первой было всего два формальных президента - В. В. Долгоруков (1741 - 1746 гг.) и Н. Ю. Трубецкой (1760 - 1761 гг.). С. Ф. Апраксин (1746 - 1756 гг.), П. С. Сумароков (1756 - 1759 гг.), В. И. Суворов (1759 - 1760 гг.), СЮ. Караулов (апрель - май 1760 г.) и И. И. Костюрин (май - август 1760 г.) ограничивались исполнением обязанностей первых персон. В Адмиралтейской коллегии с 1744 г. князь М. А. Белосельский председательствовал на правах рядового члена, пока в сентябре 1747 г. не удостоился чина генерал-крикс-комиссара флота, который Анна Иоанновна в 1739 г. приравняла к посту вице-президента. Преемник Белосельского, князь М. М. Голицын, около года - с апреля 1749 г. по апрель 1750 г. - вообще командовал военно-морским ведомством, оставаясь за штатом оно и довольствуясь необычным титулом "над флотом главного командира". А Иностранной коллегией полтора года (с июля 1756 по февраль 1758 г.) де-факто управлял вице-канцлер Воронцов при дееспособном де-юре канцлере Бестужева-Рюмине.

В связи с Кабинетом императрицы обычно пишут, что он для монарха играл роль царской канцелярии - занимался разбором корреспонденции, подготовкой бумаг на подпись, приемом челобитных. На иных функциях Кабинета внимание, обыкновенно, не акцентируется. И напрасно. Ведь реально кабинет-секретарь Черкасов возглавлял структуру, служившую одновременно и секретариатом императрицы, и следственным комитетом, и банковской конторой (финансирование проектов, оплата закупок), и фельдъегерской службой (отряд кабинет-курьеров), и чем-то вроде экспериментального НИИ. Кстати, освоение австрийских виноградников координировал именно Кабинет. Под эгидой того же Кабинета Д. И. Виноградов создавал русский фарфор на основе китайской технологии, привезенной в 1746 г. из Пекина разведчиком А. М. Владыкиным. Кабинет также на примере алтайского Колывано-Воскресенского завода доказал эффективность предоставления автономии отдаленным (уральским и сибирским) казенным предприятиям. Причем, избегая нареканий со стороны скептически настроенных сановников, Елизавете пришлось слукавить: в указе главному командиру, А. Б. Беэру, предписывалось коллегиальное управление заводами, а на приватной аудиенции было позволено единолично принимать решения⁴. Что касается расследований, то ими по высочайшим поручениям занимались заместители Черкасова (В. И. Демидов, Я. И. Бахирев, И. М. Морсочников), а предметом разбирательства могло стать все, что по какой-либо причине заинтересовало или вызвало недовольство императрицы.

И понятно, кто замыслил и сформировал подобную службу при августейшей особе - дочь Петра

Великого, единственный монарх, который, между прочим, догадался и о том, что британская "священная корова" - парламентская система - способна обойтись и без несущего каркаса - самого парламента. Елизавета Петровна умудрилась разглядеть в сложном политическом организме Англии сердцевину, "атомное ядро" - двухпартийный антагонизм. Её-то она и перенесла на русскую почву, аккуратно расколов собственное окружение на две фракции - "английскую" и "французскую". Обладая широкой свободой слова (критике не подлежали только государственная религия, православие, и высшая государственная власть в лице императора) и собраний, придворные и чиновники "веселой царицы" быстро вошли во вкус и нередко злоупотребляли обретенными правами. Устные возражения на заседаниях коллегий, императорского совета, даже на высочайших аудиенциях, письменные протесты и особые мнения при официальных протоколах стали заурядной повседневною. А персональным символом елизаветинской демократии можно назвать Василия Васильевича Неронова, с 1760 г. астраханского губернатора, а до того - неуживчивого советника придворной Конюшенной и Монетной канцелярий, не стеснявшегося открыто обличать, а порой и оскорблять своих начальников. И ни почтенный П. С. Сумароков, ни уважаемый И. А. Шлаттер ничего не могли с ним поделаться. Могла императрица. Но Елизавета вмешивалась в редких случаях, когда оппозиция вельмож начинала грозить государству существенным ущербом. Если вред огра-

стр. 155

ничивался экономическими потерями, виновного ожидала отставка или понижение (наиболее нашумевший пример этого рода - увольнение в июле 1748 г. члена Коммерц-коллегии Алексея Красовского, неугомонного оппонента президента Б. Г. Юсупова). За политические прегрешения, а тем более за государственную измену, кара полагалась куда суровее. О ней можно судить по участи В. Н. Татищева (рассорился с калмыцким наместником), Лопухиных, Лестока, Бестужева-Рюмина и многих других, угодивших либо в опалу, либо в камеры Тайной канцелярии⁵.

Популярная у историков тема - нерешительность и медлительность Елизаветы. Мемуаристами и дипломатами о том написано немало. Но и уже описанного хватит, чтобы не слишком доверять этим пристрастным источникам. Источники же делопроизводственные зафиксировали следующее. 4 июня 1752 г. обер-шталмейстер и член Военной коллегии Сумароков ознакомил государыню с рапортом капитана Алексея Долгово-Сабурова о разгроме 22 мая драгунского отряда полковника П. И. Олица крестьянами села Ромоданово, восставшими в апреле того же года под лозунгом: хотим быть под царицей, а не Демидовым! Капитан командовал отступлением солдат, ибо Олица мужики взяли в плен, а заместителя, подполковника Рена, тяжело ранили. Доложил Сумароков и о принятых коллегией мерах по усмирению мятежа. Реакция Елизаветы Петровны на этот доклад привела бы в ужас многих. Царица тут же отменила ордер коллегии о постепенном окружении, сокращении территории, занятой повстанцами, и их пленении, а предписала - избегая прямого столкновения, палить по крестьянам и деревням из пушек. Как ни парадоксально, но императрица, оценившая обстановку за считанные минуты, оказалась прозорливей и мудрее опытных военных. Достаточно сравнить цифры потерь при двух акциях - 22 мая и 11 июня 1752 года. В рукопашном сражении 22-го числа погибло 59 мужиков, ранило почти полсотни. Среди карателей насчитали свыше двухсот раненых. При новой атаке 11-го,

ограничившейся артиллерийским обстрелом мятежников канонирами бригадира Ф. Т. Хомякова, пунктуально исполнившего высочайшую волю и поначалу осужденного кое-кем из коллег за трусость, было убито 6 крестьян, ранено 26. А главное, 19 июня село капитулировало без боя. Без решительного и мгновенного вмешательства императрицы подавление восстания вылилось бы в бойню с огромными человеческими жертвами. Любопытно, что опробованный на ромодановских мужиках метод применялся и позднее, причем с тем же удивительным результатом (к примеру, в феврале 1757 г. рота солдат, одна пушка, несколько ручных мортир и гранат усмирили в районе Шацка две тысячи монастырских крестьян, охваченных таким же, как у ромодановцев, фанатизмом; погибло всего четыре человека)⁶.

В мае 1748 г. Россия пережила, по-видимому, первую в своей истории террористическую атаку, организованную извне. Диверсионные группы, отправленные из Польши, выжгли значительную часть Москвы и Глухова, возможно, Мценска и множество окрестных деревень и сел. Действовали они в угоду Франции, стремившейся любой ценой остановить продвижение русского вспомогательного корпуса Репнина к Нидерландам на помощь англичанам и австрийцам. Пожары и в Москве и в Глухове начались в один день - 23 мая, а уже 29-го императрица откомандировала в Белокаменную генерал-майора Федора Ушакова с широкими полномочиями для скорейшего умиротворения перепуганной и растерянной Москвы. Спустя неделю, 4 июня, государыня через Военную коллегия распорядилась поднять на ноги все военные и административные губернские власти для поимки шпионов и поджигателей. Указ помог мобилизовать бдительность крестьян, которые в конце месяца сумели поймать двух (под Волховом и Миргородом) из примерно тридцати диверсантов. Их свидетельства не оставляли сомнений в причастности французов к трагическим событиям во вторых столицах России и Украины, после чего царица 17 августа повелела провести во всех городах, пострадавших от пожаров в апреле-июле 1748 г., тщательные расследования с целью выявить подлинную причину каждого. Странная, на первый взгляд, высочайшая резолюция есть еще одно подтверждение политического таланта дочери Петра. Собранные гвардии офицерами данные проливали свет на личность того, кто придумал дерзкую акцию против России - человека с оригинальным мышлением, но увлекающегося, и совсем не дотошного, не позаботившегося навести точные справки о российских реалиях, где опустошительные пожары деревянных городов так часты, что полуторамесячный рейд трех десятков польских партизан никак не мог нанести россиянам огненный ущерб, превышающий или сравнимый с тем, который они за те же полтора месяца претерпели естественным путем. Оттого надежды французов на быстрое возвращение российского корпуса на родину для поддержания в выжженных городах порядка не оправдались.

Тем не менее Елизавета Петровна заинтересовалась человеком, все это затеявшим, и, явно чтобы разузнать о нем больше, 6 мая 1749 г. велела А. М. Голицыну, советнику российского посольства в Голландии, сыну адмирала М. М. Голицына, отправиться в Париж и под прикрытием австрийского посла информировать Петербург о придворных и политических новостях Франции (дипломатические отношения с ней были прерваны). Голицын прожил в Париже с ноября 1750 по май 1751 г. и был отозван назад из-за возникших опасений принудительной высылки, по примеру

Ж. -И. Шетарди. При всем том, задание он исполнил, и императрица не только похвалила его, "малого разумного", в одной из частных бесед за хорошую службу, но в марте 1755 г. назначила на важный дипломатический пост - посланником в Англии. Что касается личности, заинтриговавшей императрицу, то это была, судя по всему, знаменитая фаворитка Людовика XV, Ж. -Д. д' Этиоль, маркиза Помпадур⁷.

Отрицая политические способности Елизаветы Петровны, историки вынуждены искать другое лицо на роль реального правителя, обеспечившего империи подъем на всех направлениях - экономическом, военном, международном, культурном. Пока это получается не слишком убедительно. Если не брать в расчет рассуждений о блестящих способностях выпестованной Петром Великим бюрократии, которой для успешного управления страной предводитель не требовался, то остается единственный вариант - приписать фактическое руководство государством двум самым влиятельным персонам того периода - канцлеру Бестужеву-Рюмину (в 1740-х годах) и сенатору П. И. Шувалову (в 1750-х).

Вариант вполне удовлетворительный, если опираться только на реляции иноземных дипломатов и мемуарную литературу. Если же круг источников расширить, в первую очередь за счет переписки елизаветинских министров между собой, то эта общепризнанная схема начинает трещать по всем швам. Из служебной корреспонденции видно, что Бестужев-Рюмин, несмотря на все высочайшее доверие к нему, крайне редко осмеливался докладывать императрице о проблемах других ведомств, ибо она с самого начала установила жесткое правило: министрам запрещалось вмешиваться в сферу компетенции своих коллег. Поэтому, кстати, в 1745 г. обер-церемониймейстер Ф. М. Санти и лейб-медик Лесток нарвались на строгий выговор императрицы за попытку уточнить церемониал великокняжеской свадьбы в обход канцлера и вице-канцлера, а в 1755 г. президент Адмиралтейской коллегии Голицын долго и упорно через Воронцова добивался повышения денежного содержания сыну, Александру, посланнику в Англии, не решаясь заикнуться о том же напрямую при встрече с государыней⁸. Бестужев, как с 1756 г. И. И. Шувалов, доносил ее величеству о чужих делах на правах неофициального первого министра, стараясь не злоупотреблять этой привилегией и, видимо, исповедуя годами проверенный принцип: в то, в чем мало смыслишь, лучше не встречать! И. И. Шувалов по молодости лет пользовался своим правом-привилегией более активно, особенно полюбив кураторство в области внешней политики. Что касается П. И. Шувалова, то он де-факто контролировал Сенат и к императрице обращался либо через генерал-прокурора Н. Ю. Трубецкого, либо сам, будучи с 1748 г. ее генерал-адъютантом. Так как Сенат прежде всего отвечал за экономическое состояние империи, то, понятно, чем ограничивалось общение П. И. Шувалова с государыней - обыкновенно вопросами экономического характера. Отсюда его слава главного инициатора всех экономических реформ середины 1750-х годов и, как следствие, убеждение в том, что именно он тогда и руководил фактически страной.

Документы же свидетельствуют об ином: преобразования в экономике заслуга не одной персоны, а двух - П. И. Шувалова и... Елизаветы Петровны. Идея упразднения внутренних таможен, безусловно, проистекала от Шувалова. Зато "первый камень" в основание российской банковской системы положила сама императрица: именно она 1 мая 1753 г. велела Шувалову обсудить в Сенате, как "для уменьшения во всем государстве процентных денег учредить государственной

банк ис казенной суммы для дворянства со осторожностью тою, дабы оные надежны к возвращению быть могли... всемилостивейше упоминая, что в высочайшее присутствие в Сенате о том разсуждать изволила". Шувалов царскую инициативу развил, предложив учредить второй банк - для петербургского купечества. Императрица не возражала и 13 мая 1754 г. утвердила подготовленный Сенатом проект. Иногда эту банковскую реформу объявляют неудачной, но при этом забывают о цели ее проведения, четко обозначенной в процитированном повелении. Речь не шла о подражании Англии, о кредитах для модернизации отечественной промышленности и т.д. Госбанк России образца 1754 г. создавался в качестве конкурента ростовщику, для снижения ставок по ссудам, достигавшим в то

стр. 157

время 20%. Казенные 6% волей-неволей побуждали частных кредиторов подстраиваться под официальную цифру, чтобы не растерять клиентов, что от новой системы и требовалось⁹.

Конечно, Шувалов чаще, чем императрица, обременял сенаторов оригинальными замыслами. Тем не менее солировала в сем дуэте все-таки Елизавета Петровна. Ей приходилось подвергать собственной экспертизе каждую затею энергичного вельможи; вредные деликатно отклонять, полезные поддерживать. И подчас только от царицы зависело будущее очередной инициативы Шувалова, встреченной с непониманием в Сенате или потерпевшей фиаско на первом этапе реализации. К примеру, программа аренды казенных железных и медных заводов частными лицами вполне могла не иметь продолжения: частное управление уральским Горблагодатским заводом, отданным П. И. Шувалову, за три года (1754 - 1757) не принесло казне никакой прибыли, почему сенаторы и отказали всем прочим соискателям. Они, однако, пересмотрели это свое решение на исходе 1758 г. и выдали лицензии сразу четырем предпринимателям. А воодушевила их возобновить эксперимент вера императрицы в успех: 21 марта 1757 г. именным указом она перепоручила на пять лет два кунгурских медных завода камергеру И. Г. Чернышеву¹⁰.

Об отвращении Елизаветы к нудной и рутинной работе с документами историками написано немало, хотя для опровержения данного "факта" достаточно прочесть некоторые ее резолюции на всеподданнейших докладах, воспроизведенные в Полном собрании законов Российской империи. Вот одна из них, от 15 октября 1742 г. (N 8636), касающаяся финансирования возобновленного строительства фортификаций в Ревеле: "О долгах и расходах счета подать им немедленно, а покамест те счета о расходах рассмотрены будут, до того времени и к работе их не принуждать и денег на них не взыскивать". Или другая из 1753 г., от 29 марта (N 10086), на проекте закона об отмене смертной казни: "О именовании и чинении политической смерти и наказания быть по сему, токмо женам и детям осужденных в вечную работу или в ссылку и в заточение по силе указа отца нашего государя, блаженные и вечно достойные памяти, 1720 года августа 16 дня, записанного в Адмиралтейской коллегии, давать свободу, кто из них похочет жить в своих приданных деревнях. Буде же из таковых жен пожелает которая идти за муж, таковым с позволения Синода давать свободу, а для пропитания их и детей их давать из недвижимого и движимого мужей их имения указную часть". Наконец, для полноты картины, пример из неопубликованного в ПСЗРИ: "На 3 и 4 пункты, что принадлежит до взыскания доимок, тем

перепищиков не обязывать, дабы в настоящем их деле помешательства и остановки не было, но велеть им, исследовав о тех доимках, сообщать для взыскания оных к губернаторам и воеводам, которые о том указы имеют и до их должности то принадлежит. На 6 пункт, что принадлежит ко взысканию доимок с жителей Санкт-Петербургских, прибывших из других городов, об оных для взыскания сообщать в комисариат, до которого места те доходы принадлежат. А в прочем быть по сему". Это начертано Елизаветой Петровной на заседании Сената 16 декабря 1743 г. на проекте инструкции для участников второй подушной ревизии. Ясно, что с голоса, на слух, без предварительного прочтения многостраничного сенатского опуса обратить внимание на подобные неучтенные детали едва ли возможно¹¹.

Важный критерий для характеристики любого политика - его отношение к истории, бесценному учебному пособию для монарха. Об интересе цесаревны Елизаветы к прошлому свидетельствует ее личная библиотека. А как "жилось" исторической науке при императрице Елизавете Петровне? Если просмотреть 5-й том "Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века с 1725 по 1800 г.", то обнаружится поразительная вещь - при Елизавете Петровне выпуск трудов по истории на русском языке становится одним из приоритетных направлений книгоиздания. Правда, есть одно "но". Книги эти переводные и в основном по античной истории. Книг русских авторов по русской истории нет. Факт более, чем странный, учитывая то обстоятельство, что исторические труды русских историков имелись - В. Н. Татищева, П. Н. Крекшина и М. В. Ломоносова. Удивительным образом что-то или кто-то мешал им попасть в типографию. При этом изучение русской истории в те двадцать лет всемерно поощрялось, вплоть до того, что по указанию сверху в Академии наук была проведена первая в России научная дискуссия по исторической диссертации Г. -Ф. Миллера о начале русского народа (1749 - 1750 гг.), а об эффективности работы комиссии по разбору сохранившихся в Петропавловской крепости бумаг петровской эпохи заботилась сама государыня (7 июля 1758 г. ввела в ее состав специалиста, И. И. Тауберта; прежде в ней заседали исключительно отставные военные)¹².

стр. 158

Так почему же творения русских историков не публиковались при Елизавете? Тот факт, что "плотину" прорвало вскоре после воцарения Екатерины II, в 1766 - 1770 гг., наводит на мысль, что существовал негласный запрет дочери Петра на издание сочинений по русской истории Татищева, Ломоносова и Крекшина. А знаменитый ордер К. Г. Разумовского от 9 сентября 1758 г. о выпуске "Древней Российской истории" Ломоносова тиражом 2400 экз. президент Академии подписал, надо полагать, по ошибке. В противном случае профессор не забирал бы из типографии рукопись, чтобы до конца жизни исправлять "неудачное расположение примечаний". Судя по всему, ему настоятельно порекомендовали это сделать, сославшись на высочайшее пожелание, а в качестве компенсации в 1760 г. опубликовали "Краткий исторический летописец".

Впрочем, с другой стороны, в этом проявилось августейшее благоволение к Ломоносову как к лучшему историку России. О том же говорит и привлечение ученого к рецензированию черновика

вольтеровской "Истории Петра Великого".

Похоже, казус с Вольтером, получившим от России "госзаказ" на описание деяний отца императрицы, способен объяснить мотивы Елизаветы Петровны, разрешавшей соотечественникам печатать сухие хронологические перечни, но не монографии с авторской оценкой и анализом событий, пристрастными комментариями и рассуждениями. Императрице требовалась объективная, в ее понимании, история, то есть та, которая единственно и могла помочь монарху, нации с наименьшими потерями выпутываться из многообразных каждодневных политических тупиков. Патриотический уклон русских историков середины XVIII в. - и Татищева, и Крекшина и, в меньшей степени, Ломоносова - приводил к преднамеренному искажению истины, что автоматически превращало их историю в ловушку для будущих поколений, подталкивавшую к новым тяжелейшим ошибкам. Понимая это, императрица тормозила распространение в обществе подобных исторических изысканий. Обращение к Вольтеру она считала наименьшим злом, надеясь добиться от знаменитого француза истории пусть не лишенной погрешностей, зато свободной от умышленных украшательств и умолчаний, а то и заведомых выдумок.

Тенденция к принижению заслуг императрицы наблюдается и в области культурной политики. Дворцы, которыми сейчас восхищается весь мир, строил Ф. -Б. Растрелли, русский театр создавали А. П. Сумароков и Ф. Г. Волков, науку и образование двигали вперед Ломоносов и Шувалов. Императрица положительно влияла на процесс, в лучшем случае, из-за каприза, в худшем - просто подписывала поднесенную ей бумагу об учреждении того или иного культурного института. Между тем имеются такие "неудобные" факты, как защита Елизаветой Петровной в 1746 г. Академии наук от развала, к которому ее с 1742 г. старательно подводило заграничное светило - профессор астрономии Ж. Делиль; присылка из Вены Черкасову уставных документов австрийской Академии художеств в сентябре 1751 г., то есть до того, как Шувалов обрел реальную силу¹³; устная инструкция императрицы о принципах организации работ по восстановлению сгоревшего 1 ноября 1753 г. Головинского дворца; командировка в 1745 - 1746 гг. в Прагу помощников придворного художника Г. Гроота за коллекцией картин, купленных царицей специально для задуманного ею первого художественного музея - Картинной галереи в Царском Селе, директором которой она в 1743 г. и назначила Гроота¹⁴.

Еще одна из самых популярных тем в исторических трудах - вспыльчивая и мстительная взбалмошность царицы. Притча во языцех - выдумка Екатерины II об экзекуции, произведенной "при всем дворе" над М. П. Нарышкиной, урожденной Балк, которой царица "срезала ножницами... на голове прелестное украшение из лент", и фрейлинами Е. О. Ефимовской и П. В. Репниной, лишившимися половины "завитых спереди волос" и "немножко кожи" по вине все той же вздорной, завистливой императрицы¹⁵. Завистливой к их молодости и красоте. Поразительно, что за минувшие годы никто не потрудился проверить искренность царственной мемуаристки хотя бы по реляциям дипломатов. Ведь гневный припадок, по крайней мере в случае с Нарышкиной, видел весь двор, а значит, сообщения о нем обязательно попали бы в депеши иностранных послов и посланников, не упускавших возможности поведать о том или ином скандале. Но в известной на сей день дипломатической почте тех времен упоминаний об этих происшествиях нет.

Возможно, кто-то поспешит внести поправку: мол, описанному произволу подверглась Н. Ф. Лопухина, героиня легендарного судебного процесса, утратившая свободу, имущество и часть языка, пытанная, поротая и сосланная в Сибирь формально за пустую бабью болтовню, а фактически из

стр. 159

ревности Елизаветы к ее красоте. Действительно, такая трактовка события кочует из книги в книгу. Вот только в источниках искать ей подтверждения бесполезно. Перед нами яркий пример исторического испорченного телефона, когда "откровения" Екатерины II о юных фрейлинах императрицы усилиями историков трансформировались в анекдот о сорокалетней статс-даме. Тому, кого интересуется подлинный, а не памфлетный характер Елизаветы, полезнее ознакомиться не с записками Екатерины, а с рабочим журналом главного судьи Дворцовой канцелярии Я. А. Маслова, заведенным для записей об изменениях норм в выдаче придворным разных припасов и о всякого рода ЧП. Упоминается в нем и высочайший гнев из-за некачественных блюд. И всякий раз документ фиксирует, что государыня, несмотря на недовольство и даже попытки кое-кого из придворных возложить вину на Дворцовую канцелярию, не проявляет ярости, не дерет никому волосы, а настаивает на проведении спокойного объективного расследования¹⁶.

Возвращаясь к трагедии Лопухиных, стоит отметить, что их дело может считаться показательным относительно умения Елизаветы выявлять, изучать и решать запутанные, сложные проблемы. Был или не был знаменитый заговор против нее в 1743 году? Историки обычно именуют его мнимым. Выходит, что императрица - единственная, кто разглядел то, чего другие не заметили - два встревоживших ее факта. Во-первых, И. С. Лопухин 17 и 21 июля провел антиправительственные беседы не с русскими, а с двумя офицерами-иностранцами, теоретически более благосклонными к Анне Леопольдовне. Во-вторых, к заговору имел какое-то отношение посланник Австрии А. -О. Ботта (уже уехавший к новому месту службы - в Пруссию), государства, больше прочих заинтересованного в реставрации брауншвейгского семейства.

Разумеется, Елизавета не могла не постараться выяснить, насколько возникшие подозрения основательны. Примечательно, что она понимала, до чего малы шансы раскрыть заговор, иначе не колебалась бы три дня (с 21 по 24 июля), а подписала бы указ об аресте Ивана Лопухина сразу же 21-го, то есть в день встречи с офицерами-доносчиками Бергером и Фалкенбергом. Следствие, действительно, зашло в тупик, хотя проводилось аккуратно и толково. Допрос Ивана Лопухина вывел на двух женщин, общавшихся с Боттой - Н. Ф. Лопухину и А. Г. Бестужеву-Рюмину. Обе дамы признались: Ботта обещал им, что поможет Ивану Антоновичу вернуться на российский трон. Опрос группы свидетелей, названных И. С. Лопухиным, не обнаружил чего-либо утаенного Лопухиной и Бестужевой. Потому статс-дам минут на десять поднимали на дыбу, но безрезультатно. На дыбе висел также муж Н. Ф. Лопухиной, СВ. Лопухин. А пытали, то есть били на дыбе, одного человека, И. С. Лопухина.

Таким образом, разбирательство снабдило императрицу важной информацией: заговор,

затеваемый австрийским двором, возможно, существовал, хотя перспективы разоблачения всех конспираторов, ввиду отъезда из России главного фигуранта - Ботты, являлись нулевыми. А далее Елизавете Петровне предстояло выбрать из двух зол наименьшее: либо сидеть сложа руки, либо как-то нейтрализовать подготовку мятежа, о которой ничего не удалось выведать. Царица довольно быстро решила эту головоломку. Она устроила скандал европейского масштаба. Публичная гражданская казнь Лопухиных и Бестужевой 31 августа 1743 г. в большей степени предназначалась для заграницы, чем для российского общества. Ссылаясь на нее, русские миссии в Вене и Берлине, Гамбурге и Амстердаме развернули пропагандистскую кампанию, обвиняя Ботту в подготовке свержения законной власти. Шум вокруг австрийского посла, естественно, дискредитировал и вероятного покровителя заговорщиков - австрийскую королеву Марию-Терезию. Она, почувствовав угрозу собственной репутации, поспешила удовлетворить чаяния русских. Ботту арестовали и посадили в крепость Грац, где он томился около полугода. Скандал сыграл роль превентивной меры: если Мария-Терезия и готовила переворот, то привлечение общественного внимания к ней не могло не заставить ее отказаться от опасной затеи¹⁷.

Дочери Петра обыкновенно приписывают десятки любовных романов в юности и в годы царствования, забывая при этом, что вторгаются во внутренний мир человека с артистической жилкой. Притворство - один из политических инструментов Елизаветы Петровны, часто используемый. Нужно протолкнуть закон об отмене смертной казни - царица убедительно сообщала соратникам о данной Богу клятве в ночь переворота. Требовалось потянуть с ответом иноземному посланнику или кому из своих чиновников - разыгрывалась роль ленивой, погрязшей в развлечениях и удовольствиях императрицы. Всеобщая уверенность в любвеобильности Елизаветы Петровны возник-

стр. 160

ла из той же политической целесообразности. Цесаревне Елизавете этот миф помогал смягчать подозрительность грозной Анны Иоанновны, императрице Елизавете - выстраивать хитроумные политические комбинации, из которых самая известная - возвышение И. И. Шувалова. Воспринимать всерьез царский флирт с тем или иным придворным не стоило. Во-первых, потому, что государыня разыгрывала любовь публично, не стараясь что-либо скрыть. Во-вторых, главный фаворит, более того, гражданский муж императрицы - А. Г. Разумовский - почему-то никогда не ревновал жену к соперникам, и к Шувалову, кстати, тоже. Здесь не лишним будет вспомнить о судьбе Н. И. Панина, которого в 1743 г. многие считали новым увлечением императрицы. Молодой камер-юнкер, видимо, и сам уверовал в свой "случай". А чем все закончилось? Фаворитом он так и не стал, зато в июне 1747 г. был спешно выслан за границу с дипломатическим поручением, где и оставался в ожидании позволения вернуться тринадцать лет. Дневник С. А. Порошина зафиксировал несколько нелестных панинских отзывов о царствовании Елизаветы Петровны, которые вполне естественны со стороны человека, пережившего когда-то сильное любовное разочарование, вдобавок обиженного за несправедливую опалу. Настолько несправедливую, что даже попытка императрицы загладить собственную вину назначением на высокий пост воспитателя престолонаследника не смягчила ожесточившееся сердце Никиты

Ивановича.

Другой вопрос - о браке Елизаветы Петровны с Разумовским - из разряда наитруднейших. В историографии прочно укрепилось мнение, что они тайно обвенчались, хотя документальных подтверждений тому нет. Рассказ неизвестного об откровениях С. С. Уварова, зятя племянника Разумовского, на приватном обеде в Варшаве в 1843 г., опубликованный в 1863 г.¹⁸, нуждается в проверке, а до тех пор нельзя исключать, что в нашем распоряжении - фальсификация. Сообщения современников позволяют уверенно говорить лишь об одном: императрица и Разумовский жили как муж и жена, что вовсе не означает автоматически и официальный брак. Официальный брак - тайный или открытый - подразумевал регистрацию этого события в венецной памяти той церкви, священник которой совершал обряд. Елизавета, разумеется, сознавала угрозу собственному авторитету от бракосочетания с человеком низкого звания (чуть ли не холопом), как публичного, так и без оглашения, но в любом случае документально зафиксированного в церковных бумагах. В то же время незаконное сожителство с фаворитом плохо вязалось с демонстративной набожностью императрицы. Иными словами, она попала в ловушку: свадьба с Разумовским сорвала ее с высшей знатью, затяжка с ней подрывала доверительные отношения с православными иерархами.

Лотка подсказывает то средство, которое спасало Елизавету Петровну от неминуемых политических издержек - брачное клятвенное обещание, освященное благословением духовника, на манер тех присяжных обещаний, что давал каждый подданный императрицы после каждого повышения в новый чин. Лист бумаги с признанием себя женой А. Г. Разумовского, подписанный императрицей в присутствии Ф. Я. Дубянского и им засвидетельствованный, не обладавший никаким юридическим значением, вполне мог удовлетворить и саму царицу, и аристократическое окружение, и непримиримых борцов за нравственность духовного звания. Достаточно было ознакомить с ним тех, чье мнение определяло позицию большинства знати, чтобы проблема морального облика первого лица государства утратила свою актуальность. По-видимому, осторожная конфиденциальная откровенность этих особ и отразилась в донесениях посланников Саксонии (И. -С. Петцольда, 1747 г.), Франции (Л. д'Альона, 1747 г.) и Пруссии (К. -В. фон Финкенштейна, 1748 г.), сообщивших с разной степенью уверенности о реальности тайного брака¹⁹. Версия о брачной присяге, а не венчании больше соответствует сообщению Уварова, если оно не выдуманно, о сожжении в 1763 г. Разумовским какой-то бумаги в камине в присутствии Воронцова без предъявления ее гостю. Присяжный лист, в отличие от венецной памяти, помочь Екатерине II выйти замуж за Г. Г. Орлова (как и Г. А. Потемкина, дворянина по происхождению), никак не мог. Зато шуму произвел бы много, причем с непредсказуемыми последствиями. Так что у Разумовского отсутствовал выбор: документ, засвидетельствовавший столь уникальный прецедент, обнаружению не подлежал.

Гадать аналогичным образом о детях Елизаветы Петровны, к счастью, не нужно. Они у государыни имелись, причем, трое. Правда, не родные, а приемные. Два мальчика и девочка, сыновья и дочь камер-юнкера Григория Ивановича Бутакова. В маленькой Прасковье царица души не чаяла. Первым сей факт установил А. С. Пушкин в 1833 г., благодаря общению с Н. К. Загряжской, которая узнала секрет от подруг Прасковьи Григорьевны, фрейлин "веселой царицы".

женные мной, подтвердили слова Натальи Кирилловны. Государыня старалась не расставаться с любимицей. По крайней мере, в Москву девочку привозили вскоре после переезда туда Елизаветы, и еще вопрос, кого больше желала увидеть самодержица вечером 9 февраля 1744 г. - принцесс Ангальт-Цербстских или маленькую Прасковью, ехавшую в одном обозе с будущей Екатериной II. 13 ноября 1749 г. "дочку" произвели во фрейлины, а замуж отпустили лишь 11 ноября 1761 г. за гвардии корнета С. Н. Строганова. Ее братья Петр (? - август 1770 г.) и Алексей (май 1735 - август 1758 г.) служили при дворе пажами, затем камер-пажами. В декабре 1760 г. Петр Григорьевич стал гвардии поручиком, в отставку вышел при Петре III секунд-ротмистром, после чего управлял богатым имением (1140 душ), которое из дворцовых вотчин получил по завещанию "матушки". О том, что дочь и сыновья - приемные, говорит дата их появления при дворе - август (мальчиков) и октябрь (девочки) 1743 года. Будь дети подлинно императрицы, она забрала бы всех к себе раньше, в конце 1741 или начале 1742 года. Но Елизавета Петровна взяла трех питомцев под личную опеку не сразу, а только после смерти родителей (отца в 1741 г., матери летом 1743 г.). Именно от того версия о "побочности" Прасковьи Григорьевны, выдвинутая Загряжской и Пушкиным, менее вероятна, чем о приемных детях.

Обратим внимание на занятие царских "детей" во дворце. Все служат. Никакого особого статуса или привилегий для них нет, о чем свидетельствует и дневник А. Г. Бутакова за 1755 - 1756 гг., спасенный от уничтожения и забвения костромскими археографами в 1892 году. Причем служили Бутаковы тихо, благопристойно, без скандальных напоминаний окружающим о том, кто они. Характерно, что подобная скромность и неприметность отличали многих придворных Елизаветы Петровны, а не только Разумовского и Шувалова. Что мы знаем о наиболее близких сподвижниках императрицы, таких как В. И. Чулков, К. Е. Сиверс, П. В. Лялин, Н. Н. Чоглоков, Н. А. Возжинский? Нельзя же всерьез воспринимать досужие домыслы, до сих пор не подкрепленные документально, о единственной причине их возвышения - альковной. Между тем Возжинский успешно управлял небольшим хозяйством цесаревны Елизаветы, а позднее заведовал царской коллекцией драгоценностей и мастерской при ней. А Сиверс, судя по всему, играл роль, сравнимую с той, что исполнял П. А. Толстой при Петре I: выполнял разные деликатные миссии - от беседы с лукавым Фридрихом II при поднесении королю знаков ордена Андрея Первозванного (февраль 1743 г.) до получения в Неаполе от европейского врача-авантюриста, окулиста Джона Тейлора, письменного признания во лжи, в самозваном изготовлении для себя якобы пожалованного ему при посещении России портрета императрицы (март 1755 года)²¹. Реальные заслуги и достоинства других друзей государыни пока остаются неизвестными, но сам факт сложности выявления подобных сведений красноречив.

Учитывая нравы, установившиеся в ближнем круге Елизаветы Петровны, становится понятным ее стремление, последовательное и настойчивое, постепенно устранять поводы к напряженности в межсословных отношениях. С детских лет мы помним о времени зачисления главного героя "Капитанской дочки" в сержанты гвардии - вскоре после зачатия, около 1755 года. В

действительности же, Петр Гринев иметь даже ранг гвардии рядового во младенчестве, тем паче дослужиться до офицерского звания к совершеннолетию, никак не мог, ибо 1 октября 1748 г. императрица распорядилась без именного указа не записывать в гвардии полки кого-либо младше пятнадцати лет²². При этом, судя по Пушкину, дочь Петра Великого в судьбе Гриневых участия не принимала.

В заключение еще один штрих к этическому портрету той эпохи. Елизавета Петровна не терпела барского чванства, тем более произвола, особенно среди высшей знати и в собственном окружении. Факты заносчивости и высокомерия она пресекала сразу же и жестко, невзирая на родственные связи виновного и занимаемую должность. Когда в мае 1750 г. ей доложили о творимых в Москве бесчинствах Степана Андреевича Шепелева, брата обер-гофмаршала Д. А. Шепелева, императрица не замедлила распорядиться об аресте и суде над зарвавшимся генералом. Вымогательства под пыткой, разбойные налеты на дома москвичей, открытый грабеж купеческих лавок дорого обошлись Шепелеву. Осознав, что пощады не будет, он поспешил сам приговорить себя и 25 ноября 1750 г., в праздничный день очередной годовщины восшествия на престол Елизаветы Петровны, застрелился.

Не менее сурово царица поступила с лучшим чиновником империи, самым доверенным человеком - Василием Ивановичем Демидовым, исполнившим множество важных поручений государыни, от протоколирования допросов Лопухиных, ликвидации борделей в Петербурге до внесения про-

стр. 162

тестов, якобы от себя, на принятые Сенатом законы. Высочайший гнев вызвал "пустяк". Действительный статский советник оскорбил и грубо выгнал со двора офицеров полиции, настаивавших на предоставлении законного числа комнат для постоя, и, вдобавок, демонстративно наперекор той же главной полиции соорудил возле дома пристройку. 13 ноября 1756 г. рассерженная императрица велела пристройку во дворе Демидова сломать, а постояльцев направить к нему вдвое больше положенного. Впрочем, настоящая кара советника настигла через год, после кончины Черкасова. 22 ноября 1757 г. Елизавета Петровна запретила Демидову руководить Кабинетом, ибо не желала работать вместе с ним. Таким образом, один день торжества сановного барства перечеркнул все заслуги прошлого и разрушил карьеру талантливого зампреда царского секретариата²³. Возникшая же вакансия через год досталась другому выдающемуся чиновнику - А. В. Олсуфьеву, способности которого императрица оценила еще в 1752 г., пожаловав в собственные церемониймейстеры с сохранением членства в Коллегии иностранных дел.

Елизавета Петровна возглавляла Россию двадцать лет и один месяц. Срок, которого вполне хватило, чтобы с огромной страной случилась поразительная метаморфоза. Государство, на протяжении веков блуждавшее по замкнутому кругу нескончаемых расколов (государственных, религиозных, культурных, этнических), вдруг вырвалось из него. Подавляющее большинство

подданных императрицы уже к 1757 г. крепко сплотило национальное единство, опиравшееся не на какую-то прогрессивную идею, а на прозаическую высокую эффективность повседневного управления, удовлетворявшую все слои общества - от крестьянина до аристократа, от русского до негра, от православного до язычника. И, что существенно, если в 1741 г. новая власть в лице цесаревны Елизаветы пользовалась доверием, так сказать, авансом, то к Семилетней войне правительство полностью расплатилось по всем счетам, продолжая работать в том же созидательном духе.

Поразительно же то, что никто не понимал, в чем секрет успеха. Жизнь улучшалась постепенно и незаметно, как бы сама собой. Проблем, волновавших россиян (устойчивость денежной системы, упорядочение налоговой, расширение почтовой связи и соляного промысла, доступность образования, смягчение норм бракосочетания, реорганизация и перевооружение армии, оптимизация военно-морского штата, корабельного и крепостного строительства), с каждым годом становилось меньше; неожиданных нововведений, облегчавших службу, быт или скрашивавших досуг (государственные акушерки, водолазная компания, русский театр, фарфоровое производство, нефтяное "масло"), наоборот, больше. Причину полосы процветания разглядеть и тогда и позднее было нелегко. Внешне малая политическая активность самой Елизаветы Петровны, противореча традиционным меркам политического таланта, вынуждала искать объяснение русскому чуду в иной плоскости - в потенциале петровских реформ и в особых качествах бюрократии, выпестованной царем-реформатором. "Золотой век" Екатерины Великой, хотя и возникший благодаря усилиям другого теневого монарха (Г. А. Потемкина), в глазах всех - и современников и потомков - лишь подтвердил определяющее влияние на политический курс деятельного главы государства.

Так что, когда первые русские историки заинтересовались елизаветинской эпохой, естественно их внимание сосредоточилось на самых заметных и активных фигурах того царствования - А. П. Бестужева-Рюмина и П. И. Шувалове. Выявленная в европейских и отечественных архивах дипломатическая документация указала на ключевую роль царского канцлера. Обширный комплекс сенатского фонда подтвердил политическую силу царского камергера и генерал-адъютанта. В то же время о самой царице известные материалы, прежде всего из числа придворных - журналы камер-фурьерские и дежурных генерал-адъютантов, сообщали главным образом хронику царских развлечений или распоряжений бытового характера. Информация о правительственной деятельности Елизаветы в аналогичных объемах отсутствовала. Вот и сложилась под пером А. И. Вейдемейера, М. И. Семевского, С. В. Ешевского и Н. И. Костомарова каноническая версия о бездарной и легкомысленной императрице, за которую страной управляли государевы министры.

Имевшиеся мемуары либо не противоречили ей (Б. -Х. Миниха, В. А. Нащокина, И. И. Неплюева, Я. П. Шаховского), либо подкрепляли ее своим авторитетным мнением (М. М. Щербатова, и особенно Екатерины II). Опубликованные тогда же в исторических журналах немногочисленные и краткие собственноручные или продиктованные царицей записочки удачно придали весомости главному выводу историков. Ведь касались они не государственных материй, а галантерейных и продовольственных, о коих императрица пеклась лично. Записочки эти очень поспособствовали

один принципиальный вопрос: почему умная, проницательная женщина, что признавалось большинством современников, не проявила себя как умелый, если не талантливый, монарх? Потому что кругозор императрицы был слишком узок и ограничивался интересами, характерными для рачительной барыни, хозяйки богатого поместья, но не для руководителя государства.

Из всех российских историков XIX ст. только С. М. Соловьев осмелился не согласиться с коллегами. Он - единственный из исследователей того века, кто, работая над собственным вариантом русской истории, изучил самый значительный массив архивных материалов и на основании новых данных признал участие Елизаветы Петровны в управлении Российской империей - правда, в качестве не мозгового центра, а независимого арбитра, стоявшего в стороне, чтобы при необходимости сглаживать конфликты и остужать чрезмерный реформаторский пыл соратников: "Она призвала к деятельности новое поколение русских людей, знаменитых при ней и после нее, и умела примирять их деятельность... При этом, разумеется, большую службу служила ей осторожность, заставлявшая ее не вдруг решать дела по внушению того или другого лица, но выслушивать и других, соображать их мнения, думать и долго думать"²⁴.

Другой историк, польский, К. Валишевский, пошел дальше Соловьева. Он признал за Елизаветой Петровной задатки талантливого политического предводителя, но, вынужденный как-то увязать между собой явное противоречие совокупности свидетельств - "за" и "против" политической заурядности "веселой царицы", выдвинул примирительный вариант: раскрыться таланту помешала лень государыни и ее чрезмерная любовь к развлечениям.

Определенно на точку зрения и Соловьева и Валишевского повлияли в первую очередь "Дневники докладов Коллегии иностранных дел" за 1742 - 1754 гг., ставшие настоящей занозой для господствующей концепции. Недаром один из авторитетнейших современных историков попытался умалить значение этого комплекса таким объяснением: "Внешняя политика была *интересна* императрице. Дипломатия тогда была "ремеслом королей"; вся Европа была монархической... и всюду правили людьми императоры, короли, князья, ландграфы, герцоги. Это была большая, недружная семья властителей, хотя и связанная родством, но раздираемая противоречиями и враждой... Императрица Елизавета в полной мере осознавала себя членом этой семьи и... полностью отдавалась этому столь любезному ей миру интриг и сплетен. Этот мир представлялся ей огромным дворцом, где можно было внезапно отворить дверь одной из комнат и застать там камер-юнкера, тискающего в потемках камер-фрейлину"²⁵. Интересно, как относятся к сему тезису обитатели высотки на Смоленской площади. Согласятся ли они с тем, что под началом подобного лица, занимающегося дипломатией по капризу, развлечения ради, можно успешно и быстро поднять высоко международный престиж государства хотя бы "в европейском

масштабе", как то случилось с Россией в середине XVIII столетия?

Впрочем, теперь, после выявления, увы, крайне разрозненной, но весьма обширной и постепенно собираемой в единое целое, переписки министров и сотрудников Елизаветы Петровны, приведенной отговорки уже недостаточно. По той причине, что из писем Черкасова, Трубецкого, Шуваловых, Голицына, Апраксина и даже Бестужева-Рюмина видно: дочери Петра Великого *интересна* была не только внешняя политика. Ее волновало буквально все - и точность подсчетов ревизских душ, и стоимость возведения мостов через Неву с притоками, и чертежи возводимых в Рогервике фортификаций, и дислокация войск в разных регионах империи, и состояние флота, а также эффективность вооружений для сухопутных и морских сил, и проблемы градостроительства в столицах и провинции, и своевременность выхода в море в учебные плавания отрядов Кронштадтской и Ре-вельской эскадр, и качество тканей, производимых отечественными мануфактурами, и персональный состав Петербургской Академии наук, и торговые правила, действующие в Малороссии, и условия хранения реликвий Оружейной палаты...

Все время открываемый новый документальный материал позволяет, наконец, обнаружить источник явлений "золотого века" России середины и второй половины XVIII в. - необычный, если можно так выразиться, "аккуратный" стиль правления Елизаветы Петровны. О нем, к немалому удивлению молодого историка П. П. Пекарского, ему поведали со слов отцов постаревшие дети елизаветинцев, имевших счастливую возможность сравнить деяния двух императриц - "мудрой" дочери Петра Великого и "мудреной" принцессы Ангальт-Цербстской²⁶. Оригинальный политический стиль "веселой царицы" и заложил крепкую базу под национальное единство. Ведь первая

стр. 164

голова государства, пребывая фактически в непрерывном поиске решений проблем, как самых насущных, так и злободневных в будущем, успевала многие из тупиков преодолеть на стадии складывания, а то и устранить в зародыше. От этого у подданных доверие к власти, к власти в целом, с каждым годом возрастало.

О том, насколько русские люди той эпохи ценили и дорожили завоеваниями ноября 1741 г., свидетельствует их реакция на попытку Петра III повернуть все вспять, то есть вернуться к прежней, так сказать, "грубой" форме самодержавия, когда монарх вправе делать что хочет. Внука Петра Великого быстро и чуть ли не единодушно свергли с престола в пользу того, кто более соответствовал новому идеалу монарха - Екатерины II. И та, действительно, старалась подражать тетушке. Примечательно, что революционеры 1801 г. на форму правления также не покушались, а удовлетворились низложением нарушителя статус-кво - императора Павла I, возродившего "грубое" самодержавие.

Понадобился опыт царствования Александра I, чтобы в мировоззрении народном произошел

первый коренной перелом. Разочарование в нем и, больше того, в способности отдельного человека успешно вершить все государственные дела, покончило с единством, расколов нацию на сторонников абсолютной и конституционной монархии. "Столетняя война", вспыхнувшая между ними, подготовила русское общество ко второму великому сдвигу - отказу от института монархии. Секрет же "идеального" царствования так и не получилось раскрыть.

Примечания

1. Вопросы истории, 2010, N 3, с. 106 - 113.

2. Российский архив. Вып. 16. М. 2007, с. 67 - 71, 223 - 231.

3. Там же. Вып. 18. М. 2009, с. 33 - 50.

4. Там же, с. 175 - 180; Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 248, оп. 1/39, д. 2494, л. 85, 100 - 102об., 219, 219об. В беседе с А. И. Порошиным А. В. Беэр признавался: "Я ту речь велел написать, чтоб с [общего] согласия, а я де могу и один для того, что де мне в том государыня поверила". Сенат трижды откликнулся на жалобы недовольных Беэром и предлагал императрице начать следствие над ним, отстранив от должности, но Елизавета неизменно оставляла эти обращения без ответа (Российский архив. Вып. 19. М. 2010, с. 26 - 40).

5. Российский архив. Вып. 18, с. 254 - 257; вып. 16, с. 248.

6. РГАДА, ф. 11, оп. 1, д. 95, ч. 2; ф. 248, оп. 113, д. 1562; д. 1562а, л. 426 - 433, 655 - 656; оп. 1/40, д. 3122, л. 451 - 454об.

7. Там же, ф. 248, оп. 1/12, д. 681, л. 36 - 37, 121, 241 - 243об., 950об. - 954об.; д. 682, л. 330 - 331об., 764об. - 766, 863 - 864об., 872об. - 887; Российский архив. Вып. 15. М. 2007, с. 9 - 11, 16; вып. 20. М. 2011, с. 169 - 197.

8. Российский архив, вып. 16, с. 101; вып. 15, с. 9 - 13, 24 - 32.

9. РГАДА, ф. 248, оп. 1/39, д. 2792, л. 9, 53 - 65, 70 - 71.

10. Там же, д. 2864, л. 5 - 6, 14 - 19об., 509, 515, 525, 525об., 863 - 867об.

11. Там же, оп. 1/24, д. 1617, л. 399 - 441.

12. Там же, оп. 1/40, д. 3122, л. 968.

13. Российский архив. Вып. 18, с. 95; Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. 2, оп. 2/1, д. 533, л. 257.
14. Российский архив. Вып. 18, с. 236 - 238; РГАДА, ф. 1239, оп. 3, д. 61602, л. 12.
15. Записки императрицы Екатерины II. М. 1989, с. 189, 190.
16. РГАДА, ф. 1239, оп. 3, д. 61216, л. 42, 50об.
17. Там же, ф. 6, оп. 1, д. 368, ч. 1, л. 1 - 329, 357 - 359, 393 - 394; Российский архив. Вып. 19, с. 9 - 20.
18. Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1863, кн. 3. Отд. 5, стб. 153 - 157.
19. ВАСИЛЬМИКОВ А. А. Семейство Разумовских. Т. 1. СПб. 1880, с. 19; ЛИШТЕНАН Ф. -Д. Россия входит в Европу. М. 2000, с. 298; ВАЛИШЕВСКИЙ К. Дочь Петра Великого. Ростов-на-Дону. 1998, с. 114.
21. Костромская старина, 1892, вып. 2, с. 1 - 12; Российский архив. Вып. 15, с. 81,82; АВПРИ, ф. 17, оп. 17/1, 1755 г., д. 56, л. 1,1об.; ф. 44, оп. 44/1, 1755 г., д. 2, л. 69, 70; ф. 74, оп. 74/1, 1743 г., д. 5а.
22. РГАДА, ф. 248, оп. 1/102, д. 8126, л. 263.
23. Там же. оп. 1/39, д. 2653, л. 6 - 32; оп. 1/40, д. 2978, л. 1009об., 1010; ф. 1239, оп. 3. д. 51975, л. 10 - 11.
24. СОЛОВЬЕВ С. М. История России с древнейших времен. Кн. 12. Т. 24. М. 2003, с. 843.
25. АНИСИМОВ Е. В. Елизавета Петровна. М. 1999, с. 179, 180.
26. Русский архив, 1911, N 1, с. 5, 33, 35.